

Социальная история отечественной науки и техники

О. А. ВАЛЬКОВА

ДИСКУССИЯ О ВЫСШЕМ ЖЕНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1861 г.)

...На каком основании лишаем мы [женщину]
права искать [свет науки] для себя самой?

А. О. Армфельд

В 1861 г. в Российской империи обсуждался проект нового устава университетов. В 1862 г. взгляды университетских профессоров по этому вопросу были изданы отдельной книгой под названием «Замечания на Проект Общего Устава Императорских Российских университетов»¹. В самом конце второй части этой работы помещался раздел: «Мнения советов университетов по вопросу о допущении лиц женского пола к слушанию университетских лекций»². В преамбуле к разделу объяснялось, что Департамент народного просвещения предложил советам университетов ответить на следующие вопросы: «[1] Могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций совместно со студентами? 2) Какие условия должны быть постановлены при таком допущении? и 3) Могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени и каким правом, в случае выдержания испытания, они должны пользоваться?»³.

Советы Харьковского, Санкт-Петербургского, Казанского университетов, а также университета св. Владимира, дали положительные ответы (иногда, правда, с некоторыми оговорками). Совет Дерптского университета по неизвестной нам причине не высказал своего мнения: вместо него выступил попечитель Дерптского учебного округа, действительный тайный советник фон-Брадке, чье мнение было резко отрицательным. Но так или иначе все выше упомянутые достаточно пространно аргументировали свои позиции. Единственным исключением оказался совет Московского университета.

Университет ответил на предложенные вопросы не только отрицательно (единственный из университетских советов), но крайне лаконично, как бы подразумевая, что иного ответа и быть не может, а потому нужды в объяснениях никакой нет: «Совет Московского университета обсуждал вопрос о совместном со студентами слушании профессорских лекций лицами женского пола, и большинством голосов, 23 против 2, постановил: “не допускать этого совместного слушания ни под каким предлогом потому, что оно может иметь

¹ Замечания на Проект Общего Устава Императорских Российских университетов. СПб., 1861. Ч. 1–2.

² Замечания на Проект Общего Устава... Ч. 2. С. 520–533.

³ Там же. С. 520.

вредное влияние на успешный ход занятий молодых людей, обучающихся в университете”»⁴.

Нас заинтриговала подобная лаконичность. Мы попытались найти отклики об упомянутом заседании университетского совета, комментарии его участников или воспоминания о нем с объяснениями данной позиции. Некоторый комментарий обнаружился в воспоминаниях Б. Н. Чичерина, бывшего в то время профессором права Московского университета. Чичерин сообщает, что рассказал об имевшем место голосовании в своем письме к К. Д. Кавелину, по старой памяти интересовавшемуся университетскими делами:

Между прочим, он (Кавелин. – О. В.) словесно через Сатина просил меня уведомить его, кто из профессоров Московского университета подал голос за допущение женщин в университет [...] Я в шутовском тоне отвечал, что нашлось только двое: Зернов и Армфельдт⁵. У последнего, профессора судебной медицины, были взрослые дочери, которые сделали нигилистками и впоследствии были арестованы и сосланы в Сибирь⁶. У первого, профессора математики, было также множество дочерей; рассказывали, что они были одна другой безобразнее, и что он не знал, куда их пристроить, чем и объясняли совершенно не свойственный ему либерализм. Все же остальные профессора, и старые, и молодые, понимали всю нелепость подобного предложения. Допускать молодых женщин в университет, когда не знаешь, как справиться с молодыми мужчинами, это было верхом безумия. Но Кавелин за это безумие стоял горой⁷.

Таким образом, Чичерин дает некоторое объяснение мотивам, руководившим профессорами. В тех же воспоминаниях, немного далее, он приводит отрывок из письма к нему Кавелина, крайне разочарованного полученными известиями: «...Извещение о профессорах, которые имели довольно здравого смысла, чтобы не запереть двери университета женщинам, конечно, меня очень изумило: я надеялся прочесть другие имена, но, к сожалению, ошибся»⁸.

Это заявление только увеличило наше недоумение и желание разобраться в происходившем. Дальнейшие поиски привели нас в архив Московского университета. К нашей радости, здесь сохранилось письмо попечителя Московского учебного округа в совет Московского университета от 19 октября 1861 г., в котором содержались те самые вопросы, а также объяснялась вызвавшая их причина:

⁴ Там же. С. 520–521.

⁵ [Фамилия Армфельдт имела два написания и чаще писалась как Армфельд.]

⁶ [Б. Н. Чичерин ошибся: только младшая из дочерей А. О. Армфельда, Н. А. Армфельд (1850–1887), примкнула к движению народников, несколько раз арестовывалась, подвергалась административной ссылке и в конце концов была осуждена на 14 лет и десять месяцев каторжных работ. Она умерла в тюрьме для политических заключенных на Каре. Старшая же дочь, хорошо известная в научном мире как О. А. Федченко (1845–1921), супруга выдающегося путешественника и первооткрывателя А. П. Федченко, стала одним из крупнейших российских ботаников конца XIX – начала XX вв., и в 1906 г. (в числе нескольких первых женщин) была удостоена избрания в члены-корреспонденты Петербургской академии наук.]

⁷ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М., 1929. С. 60.

⁸ Там же. С. 61.

На основании последовавшего, по всеподданнейшему докладу бывшего г. Министра Народного Просвещения, Высочайшего повеления, внесен был на рассмотрение Главного Правления Училищ вопрос о дозволении одной девице, согласно желанию ее, слушать в Университете медицинские лекции для получения впоследствии лекарского звания.

Главное Правление Училищ по обсуждении этого вопроса, принимая во внимание особенность и новизну вопроса как о праве вообще посещения Университетских лекций лицами женского пола, так и об условиях, при которых может быть допущено такое посещение по всем факультетам и в особенности по Медицинскому, определило, в видах удовлетворительного решения этого вопроса, предложить его предварительно на обсуждение университетских советов, с тем, чтобы они представили свои заключения о том: 1) могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций совместно с студентами и по всем ли факультетам; 2) какие условия должны быть поставлены при таком допущении, и 3) могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени и какими правами, в случае выдержания испытания, они должны пользоваться⁹.

Совет Московского университета попросили обсудить проблему и высказать свое мнение «в самом непродолжительном времени»¹⁰. Совет заслушал это письмо в своем заседании 23 сентября 1861 г. Журнал заседания также сохранился. Интересующий нас вопрос обсуждался под номером 13, в самом его конце. К нашему разочарованию, никакой дискуссии журнал не зафиксировал. В нем содержится только постановление совета, слово в слово совпадающее с опубликованным¹¹. Таким образом, либо прения не были запротокколированы, либо профессора действительно не видели необходимости в обсуждении. Однако к протоколу оказался приложен лист голосования, и мы совершенно точно можем узнать, кто именно голосовал «за» (+) допуск девушек в университет, кто голосовал «против» (-), а кто отсутствовал и соответственно не смог высказаться. Ниже мы приводим этот лист полностью:

Ректор

Заслуженные профессоры:

Александр Григорьевич Фишер-фон-Вальдгейм
 Николай Дмитриевич Брашман
 – Григорий Ефимович Щуровский
 + Николай Ефимович Зернов
 Никита Иванович Крылов
 Сергей Иванович Баршев

Ординарные профессоры:

+ Николай Александрович Сергиевский
 Александр Осипович Армфельд
 Александр Иванович Овер
 – Николай Богданович Анке

⁹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 1–1 об.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 13, 13 об., 14.

- Василий Николаевич Лешков
- Иосиф Васильевич Варвинский
- Сергей Михайлович Соловьев
- Арсений Иванович Менщиков
- Василий Александрович Басов
- Алексей Иванович Полунин
- Иосиф Максимович Бодянский
- Яков Николаевич Калиновский
- Владимир Иванович Кох
- Иван Кондратьевич Бабст
- Модест Яковлевич Киттары
- Август Юлианович Давидов
- Иван Матвеевич Соколов
- Иван Петрович Матюшенков
- Александр Петрович Попов

Гг. Исправляющие должность Ordinарного профессора:

- Иосиф Иванович Пеховский
- Федор Иванович Буслаев
- Павел Михайлович Леонтьев

Директор Астрономической обсерватории:

Богдан Яковлевич Швейцер

Экстраординарные профессора:

- Корнелий Яковлевич Млодзеевский
- Павел Петрович Эйнбродт
- Генрих Антонович Гивартовский

Исправляющие должность Экстраординарного профессора:

- Михаил Николаевич Капустин
- Павел Яковлевич Петров
- Степан Васильевич Ешевский
- Николай Эрастович Лясковский
- Федор Михайлович Дмитриев
- Генрих Викентьевич Вызинский
- Николай Алексеевич Любимов
- Иван Дмитриевич Беляев
- Федор Богданович Мильгаузен
- проф. ¹² Борис Михайлович Чичерин
- Владимир Николаевич Никольский
- Сергей Александрович Рачинский ¹³.

Однако список имен сам по себе не проливает свет на причины, побудившие упомянутых в нем людей проголосовать подобным образом. Насколько нам известно на настоящий момент, только двое, оставшиеся в меньшинстве, оказались настолько недовольны результатами голосования, что решили вы-

¹² [Sic!].

¹³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 16, 16 об.

разить свои чувства письменно. Причем, если профессор математики Н. Е. Зернов ¹⁴ всего лишь несколько более подробно обосновал свое мнение в анкете, предлагавшейся профессорам университета по случаю изменения университетского устава (что случилось в декабре 1861 г.), то А. О. Армфельд не поленился изложить свою точку зрения в пространной записке и направить ее в совет университета. В записке Армфельд приводит возражения коллег против допуска женщин в университеты и высказывает свои контраргументы. Таким образом мы имеем возможность не только подробно познакомиться с позицией самого Армфельда, но и наконец-то узнать аргументы его противников. Именно эту записку, написанную скорее всего сразу после злополучного заседания, мы публикуем сегодня. Чтобы ее содержание и стиль были лучше понятны читателю, необходимо сказать несколько слов об ее авторе.

Александр Осипович Армфельд (1806–1868), заслуженный профессор Московского университета, родился 18 февраля 1806 г. в Москве. Вначале воспитывался дома, а в 1818 г. поступил в Дерптскую гимназию, в 1821 г. – в Дерптский университет для обучения медицине. В 1823 г. он перешел в Московский университет, который закончил с отличием в 1826 г., получив звание лекаря. Работал в Хирургическом институте помощником директора (1826–1830 гг.), ординатором в университетской больнице (с 1830 г.). Хорошо проявил себя во время московской холеры 1830 г. В 1833 г. защитил диссертацию на звание доктора медицины, а в 1834 г. был отпущен за границу для приготовления к занятию профессорской кафедры. По возвращении в Москву, в 1837 г., занял кафедру ординарного профессора судебной медицины, медицинской полиции, методологии, истории и литературы медицины Московского университета (1837–1863).

По воспоминаниям современников, А. О. Армфельд обладал счастливым даром красноречия, огромной эрудицией, умел держаться с удивительным достоинством и одновременно проявлял искреннее внимание к проблемам своих слушателей. Эти качества сделали его одним из самых популярных профессоров своего времени. И. М. Сеченов, вспоминая свою студенческую жизнь, писал: «Профессор Армфельд, читавший нам энциклопедию медицины, производил на своих лекциях впечатление очень умного и образованного человека, держал себя джентльменом, говорил спокойно, ровным голосом (даже несколько монотонно) и так, что речь его, будучи записана слово в слово, могла бы быть напечатана без поправок. Помню, что в общем смысл его лекций был таков: упомянув о добровольно принятой нами и предстоящей в будущем святой обязанности служить больному человечеству, он обозревал преподаваемый нам круг наук как средство достижения цели и обещал честно потрудившимся в награду чувство исполненного долга, а отличившимся – учиться за границей...» ¹⁵. Другой бывший студент Армфельда (а всего он успел за время своей преподавательской деятельности подготовить 25 выпусков) вспоминал: «Всякий, знавший покойного Александра Осиповича, помнит, что его речь всегда блестела остроумием, в этом-то и состоял его талант, этим-то он и при-

¹⁴ Николай Ефимович Зернов (1804–1862), математик, выпускник Московского университета; в 1827 г. защитил магистерскую диссертацию; с 1834 г. – адъюнкт, с 1835 г. – экстраординарный профессор Московского университета.

¹⁵ Сеченов И. М. В Московском университете (1850–1856 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 290.

влекал многочисленных слушателей. Например, из энциклопедии медицины, науки, состоящей в перечислении предметов, входящих в курс медицины, Армфельд сделал презанимательные, преполезные беседы для юношей, начинающих учиться медицине. Никогда не изгладятся те впечатления, какие выносились с его лекций первого курса»¹⁶. Ф. И. Буслаев отмечал, что: «Новый период в истории Московского университета... начинается вместе с появлением к нам молодых профессоров, получивших свое образование за границей, преимущественно в Германии. Это были: на нашем факультете Печерин, Крюков и Чивилев; на юридическом Крылов, Баршев и Редкин; на медицинском – Анке, Армфельд, Иноземцев, Филомафитский...»¹⁷. По воспоминаниям современников: «Лекции Армфельда, по ясному и систематическому их изложению, при громадной его начитанности и изящности изложения предмета, посещались слушателями почти всех факультетов»¹⁸. Несмотря на отсутствие научных заслуг, коллеги ставили имя Армфельда в один ряд с именами наиболее знаменитых профессоров Московского университета: «Имя же профессора Армфельда навсегда останется в памяти учеников его наряду с именами Рулье, Грановского...»¹⁹, при жизни его считали «идеально-честным человеком»²⁰, а через много лет после смерти вспоминали, что: «Рыцарская же его честность, добродушие и всегдашняя готовность помогать всем и каждому снискали искреннее к нему уважение...»²¹.

И вот этот всеобщий любимец неожиданно становится на защиту точки зрения, совершенно противоречащей общепринятой, заявляя о необходимости допустить женщин в университеты и противопоставляя себя всему профессорскому коллективу. Подобный поступок, на первый взгляд, кажется несколько странным. Однако у А. О. Армфельда существовала очень личная причина для подобного поведения. Его старшая дочь, Ольга Александровна (известная в истории науки как О. А. Федченко), которой в 1861 г. как раз исполнялось 16 лет, была глубоко и искренне увлечена ботаникой. Она училась экстерном в Николаевском сиротском институте, а также дома, серьезно занималась естествознанием, изучала иностранные языки, в том числе латынь, французский, немецкий, английский, читала специальную научную литературу по ботанике, нередко в оригинале. Летом, живя в семейном имении, собирала гербарии, коллекции трав и минералов. Всего через год после описываемых событий, летом 1861–1862 гг. О. А. Армфельд составила гербарий флоры Можайского уезда, который использовал Н. Н. Кауфман при написании своей знаменитой «Московской флоры»²². Она хотела профессионально

¹⁶ *Старинный слушатель*. По поводу некролога профессора Армфельда // Москва. 1868. № 30. 8 мая. С. [4].

¹⁷ *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 220.

¹⁸ Архив судебной медицины и общественной гигиены, издаваемый Медицинским департаментом Министерства внутренних дел. 1868. № 2 (июнь). С. 83.

¹⁹ *Старинный слушатель*. По поводу некролога профессора Армфельда... С. [4].

²⁰ *Мостовский М.* Некролог // Московские ведомости. 1868. № 58. 16 марта. С. 3.

²¹ Армфельд Александр Осипович // Русский биографический словарь. 1900. Т. 2. С. 293.

²² Подробнее об этом см. в автобиографии О. А. Федченко, опубликованной в: *Богданов А. П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). М., 1888. Т. 1. Л. 26.

заниматься ботаникой, но по существовавшим законам не имела возможности получить необходимое образование. Однако если бы в 1861–1862 гг. было принято решение о разрешении девушкам слушать университетские лекции, подобная возможность у нее появилась бы. Составляя свою записку, Армфельд несомненно думал о дочери. Заметим в скобках, что отсутствие диплома не помешало Ольге Александровне стать ученым, о котором впоследствии Н. И. Вавилов писал: «Многие из нас хорошо помнят Ольгу Александровну Федченко, замечательного ботаника, автора превосходных флористических работ, посвященных Средней Азии и Памиру, члена корреспондента Академии Наук СССР. Вспоминаются ее спокойные и всегда мудрые советы начинающим ботаникам, в том числе и автору этих строк»²³.

Кроме того, начиная с 1838 г. Армфельд занимал должность инспектора классов в Николаевском сиротском институте – закрытом среднем учебном заведении для дочерей обер-офицеров, оставшихся сиротами, – и хорошо знал все достоинства и недостатки существовавшей системы женского образования. (В его обязанности инспектора входил не только подбор преподавателей, но и составление учебных планов и программ, хотя сделать в этом направлении он мог немного: не только список учебных дисциплин, но и их количество строго регламентировались в зависимости от категории учебного заведения.) То есть Армфельд, в отличие от многих своих коллег, мог вполне обоснованно судить как о способностях молодых девушек, так и о характере их первоначальной подготовки.

Мнение Н. Е. Зернова, высказанное не столь демонстративно, дополняет записку А. О. Армфельда. И то и другое никогда ранее не публиковалось. Поэтому мы сочли уместным опубликовать здесь также выдержку из анкеты, посвященной проекту нового университетского устава, заполненной Н. Е. Зерновым 10 декабря 1861 г. в той ее части, которая посвящена интересующему нас вопросу.

**Мнение ординарного профессора А. О. Армфельда
в Совет Императорского Московского Университета по вопросу
о допущении лиц женского пола к слушанию профессорских лекций**²⁴

Не ранее 23 сентября 1861 г.

В Совет Императорского Московского Университета
Орд[инарного] Проф[ессора] Армфельда мнение
по 13-му пункту журнала 23 Сентября 1861

23-го Сентября в самом конце продолжительного заседания Университетского совета были предложены на его обсуждение вопросы Главного Правления училищ: «1) могут ли вообще лица женского пола быть допущены к слушанию университетских лекций совместно со студентами и по всем ли факультетам; 2) какие условия должны быть поставлены при таком допущении; и 3) могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени и какими

²³ Вавилов Н. И. Борис Алексеевич Федченко как ботаник и географ (к 45-летнему юбилею научной деятельности) // Советская ботаника. 1940. № 3. С. 3.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 2–11 об. Подлинник. Рукопись.

правами, в случае выдержания испытания, должны они пользоваться». По этим вопросам требовали отзыв Совета в самом непродолжительном времени; обсуждение их продолжалось немного минут; затем было приступлено к отобранию голосов, и все они, за исключением двух, отвечали отрицательно на первый из выше прописанных вопросов: вместе с ним пали сами собою и два остальных.

По краткости времени не мог я ни выслушать, ни взвесить всех доводов, послуживших основанием этого отрицательного решения. Я старался уяснить их себе в последующие дни своими собственными соображениями, — но, признаюсь, без особого успеха. Сколько мог я понять, причины устранения женского пола от университетских лекций должны были заключаться или в особенностях женской природы, или в особенном устройстве наших аудиторий, или, может быть, в частностях той или другой науки, недопустимых по общепринятым понятиям о приличиях для женского слуха и глаза.

Я проверил, и не в первый раз, свои гинекологические сведения, останавливая все свое внимание на тех особенностях, которые всего разительнее отличают женщину от мужчины в физиологическом и психологическом отношении и всего яснее показывают, почему натура не воплотила идеи человека в одном каком-либо поле, а разделила это высшее из своих произведений на две половины, равно дополняющие одна другую, равно необходимые, следовательно и равноправные. Я припомнил результаты наблюдений своих и чужих над бесконечным различием природных сил, склонностей и способностей в индивидуальных женских натурах. Я не забыл ни специального назначения женщины как супруги, матери и домохозяйки, ни тех ограничений, которым подчиняет ее это назначение, ни тех затруднений и препятствий, которые встречает умственное развитие ее в слабой, односторонней подготовке, в нынешних отношениях ее к жизни общественной и гражданской, в наших нравах и привычках и, можно прибавить, в наших традиционных предрассудках. Я нашел много причин полагать, что число ученых женщин всегда будет [менее] числа ученых мужчин, что юстиция и администрация, академические кафедры и высшее искусство гораздо чаще будут избирать своих служителей из лиц мужского, чем женского пола, но решительно не нашел ни в организации женщины вообще, ни в устройстве ее мозга в особенности, ничего такого, что бы не позволяло ей помышлять о возможном развитии всех данных ей Богом умственных способностей; ничего, что бы воспрещало ей, пока не обременена она чрезмерными заботами семейными и хозяйственными, стремиться к высшему научному образованию и удовлетворять этому стремлению всеми позволительными средствами.

В доказательство, что наука вообще не есть дело женского ума, спрашивают нас, почему искони считалось так немного женщин, прославившимися своими знаниями, своим преподаванием, своими сочинениями, почему и эти немногие не отличались особенною творческою силою, не делали великих открытий в науке, не оставляли по себе произведений капитальных и монографических. Подобные вопросы могли бы вызвать целый ряд других, напр[имер]: что же... было и сделано для умственного образования женщины? Какая школа приготавлила ее к высшей науке? Какою мерою определяем мы объем умственных ее способностей и степень возможного их развития, неужели тою же самою, которую прикладываем к мужчине, для которого устроены и гимназии и лицеи, и академии, и университеты? И много ли, однако, выходит настоящих героев науки из этого несметного числа учащихся; и что бы выходило из них, если бы не существовало для них всех этих гимназий и университетов? — если бы попробовали продержать их на умственной диете женского отрочества и юношества? Да и нужно ли, чтобы каждый учащийся выходил каким-нибудь Гумбольдтом, Ньютоном или Бэконом? Не нужнее ли

нам в несравненно большем числе верные преемники и проводники науки, посредники между этими светилами первой величины и молодым поколением, ищущим умственного света? И на каком основании исключаем мы из числа этих проводников целую половину человеческого рода, столь способную – если не создавать, по крайней мере воспринимать, практически осмысливать и популяризировать наши ученые теории, особенно там, где [идет] речь о передаче их молодым лицам женского же пола? И если бы, в большинстве случаев, и не было суждено женщине разливать этот свет науки между другими, на каком основании лишаем мы ее права искать его для себя самой? Смею думать, что эти вопросы вполне стоят тех, которыми были порождены.

Обращаясь к устройству наших аудиторий, опять не вижу, что бы делало их недоступными для женского пола. В заведениях закрытых, где юноши не только обучаются, но и воспитываются, где солидарность между учащими и учащимися не ограничивается одним разменом научных идей, а проникает в самую среду домашней жизни, конечно, никому не придет на мысль спрашивать о возможности совместного воспитания обоих полов. Но есть ли что-либо подобное в нынешней организации наших университетов? С закрытием института кадетских студентов и устройением своекоштных от всякого надзора университетского начальства вне стен университета прекратилась и последняя этого рода связь, которая дотоле еще существовала между академическими учителями и их слушателями, – которая, впрочем, не препятствовала и посторонним лицам при выполнении известных условий посещать наши университетские залы. Единственным отношением профессора к студенту остается отношение преподавателя к слушателю; единственным средством привлечь к себе слушателей – достойное современной науки содержание лекций, облеченное в достойную науки форму и пропитанное достойным ее духом: этим только путем – конечно, одним из самых важных и [верных] – может профессор открыть себе доступ и к нравственному чувству своих слушателей. Но в этом самом отношении состоит профессор к каждому лицу вообще, присутствующему на его лекции, – будет ли оно называться студентом, или нет. Более, чем когда-либо, оправдывают в настоящщее время и профессора и их лекции присвоенное им название «публичных»; свободнее, чем когда-либо, открываются двери наших аудиторий для всех проходящих, без различия званий и состояний и даже степени образованности: чем же объясняется и оправдывается исключение из этого общего правила, основанное на различии пола? Какое странное противоречие самим себе! Мы ежедневно слышим жалобы на дисгармонию между мужским и женским образованием, мы готовы верить и повторять, что из многих, весьма многих «образованных» женщин едва та или другая в состоянии понять мало-мальски образованного мужчину – и мы же делаем все возможное, чтобы отрезать женщину от наших духовных интересов, чтобы навсегда остаться этими «непризнанными» и «непонятыми». Мы доверяем женщинам наших сыновей на все время детского возраста и до половины отроческого, наших дочерей – до совершеннолетия или до замужества; мы [сочувствуем] изречению знаменитого германца, что для детей самое лучшее только-только что годно [...] ²⁵. И мы же всеми силами заботимся о том, чтобы умственное развитие их воспитательниц не поднималось выше общего уровня посредственности. Мы поздравляем наших дам с прогрессом, когда они оставляют роман какого-нибудь Дюма или Сю, чтобы отправиться на популярнейшую лекцию геологии или физики, и содрогаемся и трепещем, как скоро замечаем в них малейшее усилие перешагнуть за тесные пределы популярных знаний. Мы согласны в том, что развитие нравственного и эстетического чувства в молодом человеке всего яснее вид-

²⁵ [Фраза написана по-немецки – неразборчиво.]

но по взгляду его на женщину, по понятиям его о женском достоинстве и женской чести и что эти понятия почти исключительно зависят от того, какого рода женщин имел он счастье или несчастье видеть перед собою: и мы как будто боимся встретить его с теми женщинами, которые имели довольно смелости, чтобы заявить, подобно ему, свою любовь к науке, – довольно решимости и постоянства, чтобы приготовить себя к занятиям факультетским и устоять в непривычной борьбе со всеми трудностями их. Действительно, мы услышали несколько голосов, выражавших опасение, чтобы присутствие женщин не оказало вредного влияния на наших слушателей, не заставило их смотреть по сторонам, вместо того чтобы следить за профессором и его предметом. Не говоря о том, что подобная заботливость не доказывает слишком высокого мнения об интересе профессорского материала и любознательности наших слушателей, я замечу только, что она заставила бы нас, во избежание упрека в непоследовательности и в видах охранения студенческого сердца, пойти гораздо дальше и потребовать, напр[имер], удаления женщин от всех мест публичных прогулок, от концертных зал, от театров и даже от церквей, дабы гг. студенты не развлекались понапрасну и не заглядывались на своих соседок, вместо того чтобы наслаждаться природою, слушать музыку, следить за ходом драмы или молиться св[ятым] угодникам.

Самое важное неудобство при допущении женщин в университет представляется нам в [частных] статьях известных учебных предметов, мимо которых наука пройти не может и которые более или менее затрудняют преподавателя, обращающегося к публике женской или смешанной. Вообще говоря, этих статей, вне цикла медицинских наук, немного: мы не встретим их ни в физике, ни в геологии, ни в чистой математике, ни в большей части словесных наук; но легко встретятся они в зоологии и зоономии, в некоторых отделах права гражданского, уголовного и церковного, – может статься также в истории, археологии и политической экономии, где, однако же, легче обойти их. Что это неудобство не составляет еще непреодолимого препятствия, доказывается уже свободною передачею женскому полу таких наук, которые в свою очередь, и в продолжении весьма долгого времени, затрудняли преподавателей без достаточной причины, а теперь не затрудняют никого. Сколько десятков лет прошло, прежде чем поняли учителя ботаники, что, изменив несколько технических терминов и ни на волос не изменяя науке, можно объяснить шестнадцатилетней девице всю анатомию и физиологию растений! Сколько веков, прежде чем свыклись женщины и девицы с мыслию о возможности учиться у мужчин родовспомогательному искусству! «Но в акушерских институтах обучаются женщины отдельно от мужчин: их не смущает преподаватель, а смущало бы присутствие посторонних слушателей». Совершенно справедливо; но что же мешает и преподавателю зоологии, уголовного права и т.д. прочесть небольшое число лекций каждому полу особо, между тем как три четверти, как девять десятых полного его курса беспрепятственно могут быть прочитаны всей его смешанной аудитории?

Очевидно, что всего более затруднений предоставит медицинский факультет. А между тем, – говоря уже в видах общественной пользы, – ни в чем не нуждаемся мы так сильно, как в образованных врачах женского пола: в этом убеждает нас простой взгляд на те неоценимые услуги, которые оказывает обществу институт родовспомогательниц: кому неизвестно, в какой мере сохраняются жизнь и здоровье рожениц и уменьшается смертность новорожденных при благоразумной организации т.н. низшего повивального искусства, т. е. исключаящего самые трудные мануальные и все инструментальные пособия и обыкновенно предоставляемого женщинам, и насколько это нижнее акушерство, в огромном большинстве случаев, нужнее и важнее высшего? Как много добра могли бы сделать женщины-врачи в женских болез-

нях, нередко происходящих от причин, в которых не каждая пациентка решится признаться своему медику! Как много в детских недугах, где усердный уход и постоянное внимание иногда бывают важнее и действеннее всех лекарственных средств? Как часто могли бы они заменять врача при исследовании и освидетельствовании девиц и женщин! Но для достижения этой цели потребно основательное знание всех частей медицины: изучение и практика отдельных ее отраслей доселе оказались возможными только в названной уже нами акушерской технике, в лечении зубных болезней и в т. н. низшей или вспомогательной хирургии.

Основываясь на всем вышеизложенном, прихожу к следующим убеждениям:

1) По первому вопросу Главного правления училищ – что лица женского пола могут быть допускаемы к слушанию университетских лекций совместно со студентами. Но так как я уже указал на некоторые статьи, могущие затруднить преподавателя при изложении его предмета пред смешанною публикой, и мог еще упустить из виду многие другие, то справедливым кажется мне отобрать от каждого преподавателя особый отзыв о том, встречает ли он это затруднение по своему предмету и не полагает ли, что оно может быть устранено и каким именно способом. Эти отзывы могут прямо поступать на рассмотрение Университетского совета.

В отношении к медицинскому факультету, полагаю, что он не иначе как в полном своем составе должен приступить к обсуждению этого вопроса. Легко может статься, что он сочтет необходимым устроить совершенно особое отделение для образования врачей женского пола. Может также статься, что он пожелает для некоторых частей медицины приготовить преподавательниц, которые должны будут [приобретать] докторские дипломы, прежде чем получают право преподавать. (Разумеется, что эти возможности будут рассмотрены и взвешены в том только случае, если лицам женского пола будет уже разрешено посещать лекции по всем прочим факультетам.)

2) По второму вопросу – что лица женского пола, желающие прослушать не отдельные лекции, а целый факультетский курс с правом подвергнуть себя впоследствии времени законному испытанию на ученую степень, должны предварительно выдержать полный вступительный экзамен, без малейшего послабления тех требований, которым обязаны удовлетворять воспитанники высшего класса гимназий. (Для посещения отдельных курсов достаточно будет простого отзыва преподавателя, что он, со своей стороны, возражений против [нее] не имеет.)

3) По третьему вопросу – что лица женского пола, удостоенные докторского, магистерского или кандидатского диплома, или, наконец, такого, который равнял бы их с действительными студентами, должны пользоваться соответствующими этим степеням правами: читать публичные лекции, преподавать в публичных и частных учебных заведениях, заниматься медицинской практикою или адвокатурою, выходить из податного состояния и т. д. Будут ли они принимаемы в коронную службу на такие места, которые долго занимались исключительно лицами мужского пола, и с какими модификациями служебных прав – это, разумеется, будет зависеть от благоусмотрения высшего начальства.

В заключение не могу умолчать о том, что многие из моих почтительнейших сотоварищей почти единогласно высказали мысль об устройении заведения, к которому готовилось бы женское юношество в учрежденных ныне гимназиях и в котором довершалось бы, помимо университетов и академий, высшее научное образование женского пола, совершенно согласованное с его натурою; с его законными требованиями, с его возможностями. Нельзя не

сочувствовать от всей души этой благородной и вполне современной мысли, и я признаюсь, что пожалел бы, если бы честь осуществления ее не выпала на долю нашего университета, столь богатого средствами всякого рода. Но от проявления идеи до осуществления ее на деле может протечь много времени, между тем как наши университетские аудитории готовы и ждут только одного слова, чтобы открыться для всех желающих войти: пусть же воспользуются ими, в ожидании лучшего, та часть любознательной женской публики, которая не имеет возможности выждать устройства и открытия предполагаемого для нее заведения!

Только теперь, после прямого ответа на отношение Главного правления училищ, могу я коснуться вопроса, которого ожидаю почти наверное: много ли действительной пользы принесет допущение женщин к академическим курсам и ученым степеням, если оно будет привязано к указанным мною условиям; не останется ли это право их надолго правом неприменяемым и бесполезным, так как у нас в настоящее время немного найдется женщин, достаточно обученных и древним языкам, и математике, и прочим предметам гимназического курса, чтобы выдержать вступительный экзамен во всем его объеме.

Ответ будет короток. Главное правление училищ не спрашивает нас, много ли, мало ли найдется охотниц воспользоваться правом посещать факультетские лекции и приобретать ученые степени и найдутся ли они вообще, и когда именно; оно спрашивает только о том, может ли это право быть признано за ними, или нет; словом, оно спрашивает о принципе, а не об объеме его приложения в настоящую минуту. Как велик будет этот объем, покажет время; кто решится определить и предсказать его заранее? Но самый запрос Правления есть уже весьма знаменательный факт. Он возник из частного, небывалого у нас случая: одна девица просила дозволения слушать в университете медицинские лекции для получения впоследствии лекарского звания. Я не имею чести знать эту девицу; следственно не могу знать и того, заслуживает ли прошение ее особенного уважения. Я знаю только одно: что немного, весьма немного лет тому назад, десять подобных прошений не встретили бы ничего, кроме официального отказа и нескольких неофициальных шуточек и острот, которые в то время считались очень забавными. Иначе смотрит на это дело нынешнее просвещенное Правление училищ: оно считает его довольно важным, довольно тесно связанным с современным вопросом о пределах женского образования вообще, чтобы предложить его на обсуждение университетских советов и выслушать серьезное, мотивированное их мнение. Подобный образ действий не может остаться без последствий, не может не вызвать на дальнейшие соображения, не породить или не ускорить новых проектов; доказательством служит уже высказанная членами нашего Совета мысль об учреждении высшего женского училища — мысль, которая, без сомнения, могла бы родиться и без запроса Главного правления училищ, но, по всей вероятности, не родилась бы в самом конце заседания 23 сентября. Еще раз приветствуя эту прекрасную мысль выражением живейшего сочувствия, я позволю себе, однако, заметить, что осуществление ее, сколько видно [досель], поведет пока только к высшему научному изложению, для женского пола исключительно, некоторых предметов по части новейшей словесности, всеобщей истории и географии, естественных наук и теории и истории изящного искусства, но все еще не решит сомнения в том, может ли женщина искать ученых степеней по части древней филологии, математики, юриспруденции и медицины и посвящать себя условливаемым этими степенями знаниям. А потому и осмеливаюсь представить на обсуждение Совета нижеследующие вопросы, на которые желал бы, по возможности, получить категорические ответы:

1) Можно ли допустить, что женщине, точно так же как мужчине, дозволено желать и искать специального факультетского образования, ученых степеней и сопряженных с ними прав? И если можно, то

2) Не будет ли достойным нашего Совета делом взять на себя инициативу в приискании средств к удовлетворению этого законного желания?

3) Не будет ли полезно объявить о приискании всех для факультетского образования женщин средствах заблаговременно, т. е. за год или за два до приведения их [в] действие, дабы желающие воспользоваться ими могли надлежащим образом приготовиться к своим специальным научным занятиям? И наконец,

4) Если тот или другой факультет приищет эти средства ранее прочих, не может ли он представить своих соображений о приведении их в действие, не дожидаясь решения остальных факультетов?

Ответы заслуженного профессора Н. Е. Зернова на вопросы анкеты Попечителя Московского учебного округа об Университетском уставе ²⁶

10 декабря 1861 г.

Попечитель Московского учебного округа, свидетельствуя свое почтение, имеет честь покорнейше просить господ членов Университета представить ему в возможно непродолжительном времени [...] свое мнение на предлагаемые здесь вопросы, равно как и присоединить к ним такие, кои могли бы возникнуть в дополнение предлагаемого.

[...]

2) Должен ли Университет быть вполне открытым заведением, где бы читались публичные курсы для всех желающих, без различия пола, возраста и степени подготовки (как Collège de France), или же должен сохранить свой прежний характер, подобно университетам других государств Западной Европы?

[...]

2) До сих пор Университеты наши были уже доступны сторонним слушателям без различия возраста и степени подготовки. Недавно только возбужден был вопрос о различии пола и в Московском университетском совете решен отрицательно для пола женского. Но едва ли это решение безусловно основательно. В сущности женщина оказывается не менее способною к большей части ученых упражнений, как и мужчина, а потому не менее имеет и права на них. Если в С.-Петербургском университете допущение дам на лекции оказалось неудобным; то отсюда не следует, будто бы то же должно повториться и везде. Это, без сомнения, явление частное, обнаружившее только местный характер общества. В Швейцарии дамы посещают профессорские лекции без всяких неудобств. Где этот факт состоится, там почему его не дозволить [?] Уравнение прав двух полов началось в христианской религии; до тех пор женщина была рабыней мужчины, и это порабощение ни на чем не было основано, кроме физической силы. Последствия же его до сих пор вполне не изгладились, и упомянутое уравнение далеко не выполнено. Если посещение лекций дамами окажется в каких-либо местностях неудобным, то отмена его по крайней мере напомнит о немаловажной потребности в женских академиях, какие действительно существуют в Соединенных Штатах. У нас во время

²⁶ ОР ГБЛ. Ф. 285. Карт. 5. Д. 5. Л. 1–1 об.; 27–27 об. Подлинник. Типографская печать (вопросы); рукопись (ответы).

оно считалось неуместным обучать девиц даже грамоте; теперь мы дошли до учреждения женских гимназий; неужели же не пойдем далее. Дело о высших ученых упражнениях женщины, оставаясь in Status quo, дает повод думать, будто женщина не имеет на них и права. Между тем, какие бы полезные последствия могли выйти от полного образования женщин в некоторых случаях; какое бы значение имела, напр[имер], врач-женщина. Врач-мужчина для больной женщины можно сказать в нередких случаях врач не вполне. Врач-женщина, по самой природе своей, более приняла бы участия в страданиях больного того или другого пола, на которые врач-мужчина смотрит слишком равнодушно, особенно, если имеет большую практику. Все эти выгоды общества теряются в настоящее время.

* * *

Борьба (именно борьба, и никак иначе это назвать нельзя) российских женщин за право на высшее образование заняла в общей сложности около 50 лет. Споры, описанные в записке А. О. Армфельда, всего лишь ознаменовали ее начало. Идея о создании отдельного высшего учебного заведения для женщин оказалась привлекательной для правительства, но, как и предсказывал А. О. Армфельд, на ее претворение в жизнь понадобились десятилетия. В 1869 г., т. е. через 8 лет после описанных событий и через год после смерти профессора Армфельда, в Москве было разрешено открыть так называемые Лубянские курсы, бывшие по сути всего лишь подготовительными; в 1872 г. открылись курсы профессора В. И. Герье, имевшие схожий статус. И те и другие просуществовали не слишком долго, поскольку в 1886 г. Министерство народного просвещения предписало прекратить прием на все высшие женские курсы под предлогом пересмотра вопроса о высшем женском образовании.

Только в 1901 г. Московские высшие женские курсы получили разрешение начать работу, причем у них не было ни своего помещения, ни каких-либо значительных средств, поэтому прошло некоторое время, прежде чем их уровень смог сравниться с уровнем университета. Кроме того, следует заметить, что до 1918 г. диплом любых российских высших женских курсов, в отличие от университетского диплома, не давал своим обладательницам никаких прав²⁷. Таким образом, если бы дочь А. О. Армфельда Ольга Александровна Федченко, окончившая курс Николаевского института (т. е. средней школы) в 1864 г., терпеливо ждала, когда правительство и чиновники создадут подходящие условия, в которых она могла бы получить высшее образование без ущерба для своей женской природы и нравственности и не мешая своим присутствием обучению благородного юношества, ей пришлось бы приступить к обучению в возрасте 55 лет. К этому времени, однако, она успела стать крупным ученым-ботаником, ее научные экспедиции и научные труды были широко известны не только в Российской империи, но и за ее пределами, что и отметила в 1906 г. Императорская Академия наук, избрав О. А. Федченко своим членом-корреспондентом.

²⁷ Подробно об истории высшего женского образования в России см.: *Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. 1856–1880. Т. IV. СПб., 1901; Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 102–235 и др.*

В заключение необходимо заметить, что после 1868 г. отношение московских профессоров к идее высшего женского образования в корне переменилось. Впоследствии профессора Московского университета принимали самое активное участие в организации и работе высших женских курсов, и можно с уверенностью сказать, что без их участия данное предприятие вряд ли могло бы состояться, а тем более иметь успех. Следует также заметить, что вплоть до 1918 г., если не считать нескольких исключений, допущенных под влиянием революционных событий 1905–1907 гг., двери российских университетов, в том числе и Московского, оставались для женщин закрытыми.